

митета и его групп. Третье заседание ИСО ТК-37 показало, что за последние годы в разных странах не только развернулась практическая терминологическая работа, но и возникло новое научное направление — теория научно-технической терминологии. Высокая оценка советского документа «Основные положения КТТ АН СССР о понятиях, определениях и терминах», по общему мнению всех делегатов, выдвинула Советский Союз в число ведущих стран в развитии этого научного направления.

Важно отметить, что в послевоенное время возрос интерес к международной терминологической работе и в других отраслях знания. Международные организации, объединяющие специалистов разных отраслей естественных наук, также ведут работу по упорядочению и координации применяемой терминологии. На V Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1950 г. было установлено, что основной задачей этой организации в области точных и естественных наук является стандартизация научно-технической терминологии и издание многоязычных словарей по различным отраслям науки и техники. В соответствии с этой задачей в 1952 г. был создан и приступил к работе Международный консультативный комитет по документации и терминологии точных и естественных наук во главе с д-ром Хольмстромом. Начиная с 1954 г., комитет издает ежемесячный информационный бюллетень «Documentation et terminologie des sciences exactes et naturelles». В этом комитете выполнен ряд интересных исследований¹, а также выпущена библиография дву- и многоязычных словарей по различным видам точных и естественных наук².

В 1954 г. Консультативным комитетом был возбужден вопрос о желательном участии в его деятельности представителей Советского Союза. Эта работа была возложена на Академию наук СССР. Однако советские ученые до сих пор еще не принимают активного участия в работе комитета, хотя это представляет для нас большой научный и практический интерес.

В США в области отбора международно понятных слов с учетом их одинакового написания и произношения в различных языках проводит работу Ассоциация международного вспомогательного языка (IALA). Результаты ее деятельности стали публиковаться с 1951 г.³ Это направление работы не имеет сегодня непосредственной связи с международной терминологической работой в области техники.

Международная терминологическая работа привлекла к себе внимание широких кругов языковедов. Перспективы этой работы послужили темой специального доклада на 7-м Международном конгрессе языковедов в Лондоне в 1952 г.⁴; они освещаются также в зарубежной периодической печати.

Международная терминологическая работа только начинается, и сейчас еще рано говорить о ее результатах и путях дальнейшего развития. Однако она имеет тенденцию к расширению. Активное участие советских ученых в деятельности ИСО ТК-37 явится полезным вкладом в это дело.

Н. К. Сухов

О РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА РОДНОГО ЯЗЫКА В ТОКИО

В послевоенные годы в Японии проявляется огромное внимание к вопросам родного языка и письменности как со стороны широких общественных кругов, так и со стороны правительства. Об интересе общественности к этим вопросам свидетельствует, например, следующий факт: за 1954 г. в пятнадцати наиболее крупных газетах — «Майнити», «Осака-Асахи», «Токио-Нитивити», «Йомиури», «Токио-Таймс» и др. — было помещено около полутора тысяч статей и заметок по вопросам японского

¹ См.: J. E. Holmstrom, The language problem of science, «Research», vol. 7, 1954, may; «Report on scientific and technical translating and related problems», UNESCO, 1953 (литораф. изд.); C. Thoridnet, The semantic abstracting of documents and the use of the card file for terminological purposes (литораф. изд.), Paris, UNESCO, 1954.

² См. «Bibliography of interlingual scientific and technical dictionaries [UNESCO], 3-e éd., Paris, 1953 (1-e éd. — 1951, 2-e éd. — 1952).

³ См., например, A. Gode, Interlingua-English [dictionary], New York, 1951 и др. работы.

⁴ См. E. Wüster, Die terminologische Sprachbehandlung, «Studium Generale», Jg. 6, Heft 4, 1953.

языка и письменности. Наряду с этим в Японии издаются пятнадцать крупных журналов чисто лингвистического характера и несколько мелких; общелитературные журналы тоже помещают на своих страницах статьи по вопросам японского языка.

Активную языковую политику проводит и правительство. Так, сразу же после войны, в 1946 г. правительство отказалось от употребления письменного языка (отличающегося от современного литературного японского языка рядом грамматических форм, а также в значительной мере и лексикой), который до этого был обязательным для всей официальной документации: законов, циркуляров, договоров и т. п. Затем последовал ряд циркуляров, некоторые за подписью премьер-министра, другие по линии министерства просвещения, начиная с циркуляров о реформе орфографии и о лимитировании числа иероглифов (в 1946 г.) и кончая циркуляром об исключении из употребления ряда книжных слов (в 1954 г.). Давать подробное описание и оценку всех этих крайне интересных по существу актов регулирования развития языка и письменности здесь не место — это требует отдельной статьи. Здесь говорится о них постольку, поскольку такая языковая политика объясняет некоторые организационные меры правительства, а именно нижеследующие.

Во-первых, в июне 1949 г. при министерстве просвещения был учрежден Совет по родному языку, председателем которого является известный писатель, критик и публицист, лектор «Университета Васэда» Дзэммаро Токи, а вице-председателем — крупный специалист по японскому языку акад. Кёскэ Киндаити. Совету вменяется в обязанность «производить изыскания по вопросам, касающимся улучшения родного языка и подъема преподавания языка, а также относящихся к письму латиницей, и демократическим путем устанавливать языковую политику, а также, согласно потребностям, вносить соответствующие предложения в правительство». В декабре того же 1949 г. был учрежден Государственный исследовательский институт родного языка. В 1955 г. этот Институт опубликовал небольшой информационный обзор своей деятельности с момента основания. Этот обзор и некоторые издания Института позволяют составить о нем общее представление.

Несколько слов о материальной базе и структуре Института. С 1954 г. Институт помещается в отдельном двухэтажном здании общей площадью в 1066 м²; рабочие кабинеты занимают 337 м², лаборатории 45 м², читальня 49 м², лекционный зал 96 м². В 1955 г. должно было закончиться (вероятно, и закончено) строительство несгораемого здания библиотеки со встроенными стеллажами. Штат Института состоит из 49 человек (научно-исследовательских работников 32, административных и технических 17). Институт подведомствен Министерству просвещения. Во главе его по административной линии стоит директор проф. Минору Нисю — специалист по японской литературе и педагогике, по научной линии — Консультативный совет из 28 членов, не состоящих на службе в Институте. В составе совета находим крупных ученых-лингвистов, возглавляет его акад. Янагита Кунио, крупнейший авторитет по японской диалектологии и этнографии. В Институте работает два исследовательских отдела: первый, состоящий из трех кабинетов — устной речи, языка в письменной фиксации и языка в местных районах, — и второй, состоящий из двух кабинетов — преподавания языка и языкового воздействия. Предполагается организовать третий отдел, в который должны войти кабинеты старого языка, современного языка и генеалогических исследований. Кроме того, имеется особый кабинет материалов.

Институт был учрежден «для проведения научных исследований по родному языку и речевой практике народа и для создания твердой базы при рационализации языка» (из указа об учреждении Института). В соответствии с этим задача Института состоит в исследовании японского языка «с целью сбора материалов, могущих послужить базой правильной языковой политики», т. е. способствовать установлению языковых норм, «стандартного языка» (хёдзюно — понятие, соответствующее нашему термину «литературный язык»). Для этого прежде всего исследуется японский язык в его современном состоянии. Полученные материалы, помимо основного указанного выше назначения, должны лечь в основу словаря современного языка. Наряду с этим, поскольку «многовековая жизнь японцев на их территории, созданные ими идеи, история их культуры отражены и кристаллизированы в языке», Институт исследует японский язык в его историческом развитии с момента существования письменных памятников. Эти материалы должны лечь в основу исторического словаря японского языка.

Изучение современного языка ведется преимущественно эмпирическим путем, методами коллективно проводимых обследований устной речи и обработкой материалов этих обследований; письменные материалы обрабатываются приемами новейшей статистики.

Для реализации этих задач Институт располагает, во-первых, соответствующей новейшей аппаратурой, преимущественно американского происхождения: портативными магнитофонами, могущими работать без присоединения к сети, т. е. и внутри, и вне помещения, аппаратами для специальных фонетических записей (Sona-graph), для одновременной записи речевого потока нескольких лиц с возможностью последующего выделения речи любого из них (Analyzer), для замедленного прослушивания

записанного (Sona-Strether) и др., а также счетно-вычислительными машинами (типа Odhner X и Marchent) и т. д.

Во-вторых, при проведении языковых обследований устной речи Институт опирается на широкий языковедческий актив. Институт ежегодно назначает во всех крупных городах уполномоченных из числа местных специалистов, поддерживает связь с рядом школ в Токио и провинции в целях обследования процессов преподавания языка и, наконец, спорадически пользуется содействием других учреждений. Так, почти во всех обследованиях принимал известное участие Институт статистики, в некоторых — Институт этнографии, Государственный институт педагогики, Газетная ассоциация и др.

Осветим несколько подробнее работу кабинетов Института.

Объектом изучения «кабинета устной речи» является бытовая и публичная речь, т. е., с одной стороны, язык разговорной речи, с другой, — язык радиовещания, публичных выступлений и т. п. В 1952—1953 гг. этот кабинет провел ряд комплексных обследований устной бытовой речи в Токио и его окрестностях. Записанный на пленку материал в виде 80 катушек (одна катушка рассчитана на 30 мин.) был обращен в текстовую запись, а затем перенесен на карточки, пригодные для механической статистической обработки, и затем проанализирован в отношении интонации, структуры предложения, членения предложения на синтаксические единицы, характера лексики, частотности употребления и т. п. Результаты изложены в книге «Разговорный язык как он есть» («Данваго-но дзиттай»), вышедшей в 1955 г. В 1954—1955 гг. Институт проводил обследование, предметом которого были неустойчивые слова. Собранные 30 тыс. таких слов (среди них, разумеется, представлены и повторяющиеся) были подвергнуты анализу и статистической обработке, а выводы систематизированы по десяти видам слов, в соответствии с разного рода произносительными колебаниями и морфологическими вариантами. Кроме того, Институт собрал материал о том, как эти колебания осознаются и как они воспринимаются. Выводы в 1955 г. были оформлены в виде гектографированной рукописи.

Предметом изучения «кабинета языка в письменной фиксации» является и современный японский язык, преимущественно его лексика, и вопросы письма. Методы работы — анализ материала прессы путем занесения на карточки и последующей статистической обработки. Выводы систематизируются и публикуются. В 1951 г. была издана книга «Служебные слова и служебные глаголы современного языка, их употребление и примеры» (следует заметить, что «служебными глаголами» — дзёдоси — в японской грамматике по традиции именуется то, что в советском японоведении рассматривается как суффиксы глагольного спряжения, а к так называемым «служебным словам» — дзёси, — с нашей точки зрения, относятся и суффиксы склонения, так что материал этой книги не лексический, а чисто грамматический). В 1952—1953 гг. были обработаны 34 вида газет и журналов, вышедших за период с апреля до конца 1949 г. (выводы еще не опубликованы). В 1952 г. вышла книга «Словарь современной газеты», основанная на сплошной обработке материала газеты «Асахи-симбун» за май 1949 г. В 1953 г. издана книга «Словарь женского журнала», основанная на материалах одного женского журнала за весь 1950 г. В обеих книгах приводятся данные о частотности употребления слов и частные выводы о некоторых их типах. В 1954 г. было проведено комплексное изучение лексики прессы, а именно обработано 560 страниц журналов четырнадцати типов за один год, что дало около 230 тыс. знаменательных слов, которые были подвергнуты анализу в отношении частотности, значения, синтаксической роли и способа обозначения на письме. Выводы в 1955 г. еще не были опубликованы.

В целях изучения вопросов письма в 1952 г. был издан «Сборник материалов по окуриганэ» (окуриганэ — часть слова, следующая за иероглифом и написанная каной, т. е. слоговой азбукой или вернее, сами знаки канё, когда ею пишется окончание; полного единства в том, что относится к окончанию, подлежащему написанию канёй, в японском письме нет). Для этого было обработано одиннадцать видов материалов общественного и частного характера за период с революции 1867 г., т. е. за 80 с лишним лет. С 1953 г. объектом исследования является употребление иероглифов.

«Кабинет языка в местных районах» в четырех городах провел комплексное обследование речевой практики, в двух городах собрал данные об употреблении вежливых слов, в двенадцати пунктах провел комплексные диалектные обследования. В 1950 г. издана книга «Исследование языка Хатидзёдзима». На этом острове был изучен язык пяти деревень; изучалось соотношение диалекта и общего языка и характер их взаимодействий. В 1953 г. вышла «Речевая практика местного района», опирающаяся на обследование устной речи в Цуруока, проведенное совместно с Институтом статистики и этнографии и субсидировавшееся научно-экспериментальным фондом Министерства просвещения. При всех обследованиях привлекался местный языковедческий актив. В 1954 г. состоялся всеяпонский съезд активистов, проведенный с участием работников кабинета и некоторых членов Консультативного совета. Кроме того, составлен словарь рюкюского языка.

«Кабинет преподавания родного языка» исследует вопросы усвоения языка детьми и выявляет трудности этого усвоения. Исследованию подвергаются речь, слушание,

чение и письмо у учеников начальной школы с шестилетнего возраста. Методы работы — наблюдение на уроках (как индивидуальное — за одним учеником на протяжении длительного времени, так и групповое — за классом в целом), проверки типа экзамена, специальные тесты и лабораторные исследования при помощи соответствующей аппаратуры (например, аудиометра для исследования отчетливости слышания, офтальмометра для регистрации движения глаз при чтении и т. п.). Попутно собираются данные о личных способностях и общей успеваемости, а также физическом состоянии учащихся, обследуются бытовые условия их жизни и различные факторы преподавания. В 1954 г. такие обследования были проведены в девяти городах (в одиннадцати школах). В том же году вышла книга «Языковая способность детей в период поступления в школу», а в 1955 г. «Экспериментальное изучение чтения» (анализ ошибок при чтении).

«Кабинет изучения воздействия языка» исследует языковое воздействие газеты и радио, т. е. так называемых «mass communication» («массовых коммуникаций»; американский термин, перешедший в японский язык). Однако фактически работа кабинета несколько выходит за эти рамки. Так, в 1953 г. было проведено большое обследование под названием «Соприкосновение молодежи с газетой, понимание газеты и ее влияние». В обследовании приняли участие Газетная ассоциация и Ассоциация научного изучения общественного мнения; на проведение этой работы министерство просвещения выделило субсидию в 610 тыс. иен. Объектом были школьники старших классов двадцати школ, из них шестнадцать в Токио и четыре в Акита (на севере острова Хонсю) общей численностью 5150 человек (3150 в Токио и 2 тыс. в Акита). Изучались следующие вопросы: 1) рост степени соприкосновения с газетой и развитие языкового понимания ее по годам обучения; 2) влияние способа изложения на понимание; 3) влияние чтения газеты (в связи с бытовым окружением) на формирование общественного поведения; 4) особо — понимание статей по международным вопросам. Подобное обследование учащихся средней школы было проведено в г. Тиба и в его окрестностях. В 1954 г. на основе собранных материалов была издана книга «Молодежь и газета».

В 1949 и 1950 гг. с помощью «кабинета изучения культуры радиовещания» Японской радио-ассоциации исследовалось отношение языка радиовещания к его пониманию, в 1951 г. — те же вопросы применительно к спортивным передачам, в 1952—1953 гг. — стиль «известий по радио», в 1954 г. — влияние радиовещания на язык детей.

«Кабинет материалов» занимается сбором, систематизацией и хранением литературы, а также ведает изданием трудов Института. Кабинет каталогизирует японскую научную литературу по японскому языку и японской письменности, общему языкознанию и преподаванию японского языка. Составляется систематический каталог для отдельных изданий и три каталога журнальных статей по этим вопросам — систематический, по журналам и по авторам. Кабинет составляет досье вырезок статей по указанным вопросам из пятнадцати газет, издает специальные библиографии (вышла в свет «Библиография изданий по языку, начиная с Мэйдзи», т. е. с 1867 г., и «Библиография изданий по языку с 1932 г. по 1949 г.»). Кроме того, кабинет издает общий информационный «Ежегодник родного языка», содержащий разносторонние данные о положении науки о японском языке и связанной с ним практической деятельности за истекший год. Первый такой ежегодник вышел в 1955 г.

Кабинет для удобства хранения и пользования микрофильмирует современные книги и старые памятники. В связи с этим Институт не нуждается в большом здании для своей библиотеки: площадь под строящимся зданием, о котором было упомянуто выше, всего 96 м². Разумеется, Институт располагает аппаратами для чтения микрофильмов (Micro-reader).

Кроме отдельных книг, Институт издает ежеквартально журнал «Гэнго-сэйкацу» («Речевая практика») и ежегодно отчет о своей работе (таких годовых отчетов к 1955 г. вышло пять).

Из этого краткого обзора видно, что Государственный исследовательский институт родного языка в Токио представляет собой учреждение, где ведется огромная работа по выяснению современного состояния японского языка во всех аспектах его существования. Масштаб этой работы, ее разносторонность и организованность являются порукой того, что материалы Института могут служить надежной базой для определения тех конкретных мер, которые должны быть приняты по линии преподавания языка, культуры речи и развития письменности, а также для научной разработки вопросов, связанных с японским языком. Эти материалы могут быть положены и в основу чисто теоретических исследований. Однако, как нам кажется, без глубоких теоретических обобщений они сами по себе недостаточны для определения основ языковой политики. Ведь для принятия конкретных мер мало знать, что есть, надо еще определить, что следует развивать и с чем надо бороться, — а это относится уже не к статистике, а к области теории языка и к области политики. Да и в самой работе Института — в первичном сборе материала и его последующей статистической обработке — должны сказываться определенные теоретические установки исследователей.

К сожалению, по информационным изданиям Института, которыми мы располагаем, о теоретической основе работы последнего судить трудно. Ясно лишь одно: проведение резкой границы между устной речью и языком в письменной фиксации.

Вызвано ли это обстоятельство только необходимостью, вытекающей из разной технологии сбора материалов, лежат ли в основе его чисто теоретические предпосылки или это определяется серьезным расхождением между устным и письменным языком — на все эти вопросы пока трудно ответить. Сами материалы, представляемые Институтом, помогут выяснить отсутствие или наличие такого расхождения и в последнем случае дать точную его картину. Это один из конкретных примеров того, как материалы Института могут содействовать разрешению чисто теоретического вопроса.

Н. И. Фельдман

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ *

1. Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]. VIII — М., 1955. Реформатский А. А. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке (стр. 3—23); Бромлей С. В. К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке (стр. 24—41); Борковский В. И. Союзы при однородных членах в древнерусских грамотах (стр. 42—68); Шапиро А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов (на материале русского языка) (стр. 69—87); Львов А. С. История слова *аело* в русском языке (стр. 88—100); Бурнашева С. А. Влияние русского языка на развитие словарного состава современного татарского литературного языка (стр. 101—119); Серебрянников Б. А. Волго-окская топонимика на территории европейской части Советского Союза (стр. 120—134); Крейнович Е. А. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели (стр. 135—167).
2. Записки [Науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР]. 16. Язык и литература. — Саранск, 1955. Коляденков М. Н. Глагольное словообразование в мордовских языках (стр. 91—107); Цыганов Н. Ф. Существует ли в мокшанском языке суффикс видовой направленности *нн*? (стр. 108—111); Цыганов Н. Ф. О вокализме не-первого слога прогрессивно-ассимиляторного типа в говорах эрзя-мордовского языка (стр. 112—124); Заводова Р. А. К вопросу о субстантивации прилагательных (стр. 125—132); Яковлева О. А. Значение слов «палец» и «перст» в древней Руси (стр. 155—162).
3. Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР. XVI. — М., 1955. Петров Н. А. Из архивных материалов академика В. П. Васильева о китайском языке (стр. 51—56); Воробьев-Десятовский В. С. Новые листы сакской рукописи «Е» (предварительное сообщение) (стр. 68—71).
4. Труды Отдела древнерусской литературы [Ин-та русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР]. XI. — М. — Л., 1955. Шарлемань Н. В. Заметки к «Слову о полку Игореве» (стр. 7—12); Егоров Н. М. Мышью или мышью? (стр. 13); Югов А. К. Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в «Слове о полку Игореве» (стр. 14—21); Данилов В. В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века (стр. 209—217); Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков («комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) (стр. 280—299); Гранстрем Е. Э. О происхождении глаголической азбуки (стр. 300—313, с илл.).
5. Труды Среднеазиатского ун-та им. В. И. Ленина. Языкознание [Новая серия. Вып. LXIX. Филологические науки. Кн. 8]. — Ташкент, 1955. Коляда Г. И. Из истории русско-украинских друкарьских связей в XVI—XVII вв. (стр. 3—36); Гулямов Я. Г. О падежных формах в ташкентском говоре (стр. 37—54); Ильин Д. Д. Некоторые проблемы поэтического словоупотребления (По наблюдениям над языком и слогом произведений М. В. Исаковского) (стр. 55—88); Протогенова Р. В. Инфинитив и его синтаксические функции в современном русском языке (стр. 89—99); Коляда Г. И. К вопросу о носовых гласных в древнерусском языке (стр. 101—115).
6. Труды [Сталинирского пед. ин-та]. II. — Сталинир, 1955. — На груз. и русск. яз. Барамидзе Р. Г. Поэтическая семантика грузинских агнографов. — На груз. яз. (стр. 155—171). — На груз. языке; Гаприндашвили Ш. Г.

* В настоящем перечне учтены продолжающиеся издания типа «Ученых записок» и «Трудов», вышедшие из печати преимущественно во второй половине 1955 г. (Продолжение. Начало см. ВЯ, 1956, № 1).